

«Я ОДИНОК. Я СИЛЬНО ОДИНОК».

Штрихи к портрету Иосифа Бродского

Автор — **ЛИХТЕНШТЕЙН Исанна Ефремовна**, кандидат медицинских наук, киевлянка, из семьи врачей. Отец — профессор Киевского медицинского института, мать — врач. Окончила Киевский медицинский институт. Работала научным сотрудником в Украинском НИИ клинической медицины имени акад. Н.Д. Стражеско, перепрофилированном впоследствии в Украинский НИИ кардиологии. Автор свыше 120 научных статей по проблемам кардиологии и литературно-медицинской тематике. С 1991 года живет в Израиле. Работала по специальности в хайфской больнице «Бней Цион». Публикуется в периодической печати Израиля, Америки и Германии.

Клевету при жизни познали многие, славу — единицы! В полной мере хвалу и клевету испытал лауреат Нобелевской премии Иосиф Бродский.

Благосклонной или жестокой была к нему судьба? Если судить по внешним приметам, очень разной: блокадное детство, ранние стихи, единомышленники и хулители, психиатрическая больница, суд, ссылка, изгнание. С этого началось...

Прошли годы. Иосиф Бродский получил все мыслимые премии, не был обделен вниманием и почетом. Не окончив средней школы, успешно преподавал в должности профессора во многих американских и европейских университетах. В последние годы жизни лауреат Нобелевской премии по литературе, в прошлом «тунец» Иосиф Бродский удостоился единичных публикаций в перестроечном Советском Союзе, а затем в России. И только в последние десятилетия обрушился шквал публикаций, воспоминаний, монографий, фильмов, созданы мемориальные музеи — квартира в Петербурге, дом в деревне Норинской.

Сложность разговора о Бродском и в том, что он как бы еще среди нас, не Памятник, а прогуливающийся по Невскому проспекту юноша. Еще живы и трудятся его друзья или желающие называться ими. Поэтому перед авторами, пишущими о поэте, стоит непростая задача — отделить зерна от плевел и понять, каким в действительности был этот неординарный человек. Карл Ясперс в монографии «Стринберг и Ван Гог» сетует на то, что небольшой срок со дня смерти Стринберга не позволяет ему быть точным в оценках. Несомненно, это относится и к Иосифу Бродскому.

Россия признала своим поэтом нобелевского лауреата. Не поздно ли?

Впервые я узнала Иосифа Бродского в 1960-е годы по самиздатовским машинописным трудночитаемым копиям, привезенным из Ленинграда. Помню ощущение неожиданности от необычных стихотворений и тревожной ауры, сопровождающей поэта.

Время от времени появлялись стихи Иосифа Бродского, по-прежнему в самиздате. В 1989 году, оказавшись в гостях в США, купила в издательстве «Ардис» две тоненькие книги поэта: «Урания» и «Новые стансы к Августе». Читала многократно, раскрывая все новые яркие страницы. И пожалуй, с этого времени в мою жизнь прочно и навсегда вошел Иосиф Бродский.

Уинстон Черчилль, тоже лауреат Нобелевской премии по литературе, заметил как-то, что познать творца невозможно без знания особенностей его жизни.

Иосиф Александрович Бродский родился 24 мая 1940 года в Ленинграде в семье обрусевших евреев: Александра Ива-

Александр Иванович Бродский

новича Бродского и Марии Моисеевны Вольперт. Отец окончил географический факультет Ленинградского университета и Школу красных журналистов. Был довольно известным фотокорреспондентом. В этом качестве прошел войну. С 1940 года воевал в Финляндии, завершил службу в 1948 г. в Китае. Александр Иванович происходил из семьи небогатых предпринимателей, владевших в до-революционные годы небольшой типографией.

Мать, Мария Вольперт, была бухгалтером, ее отец до революции — агент фирмы «Зингер» в Литве.

Мария Моисеевна получила хорошее образование. Благодаря свободному владению немецким языком какое-то время работала переводчиком в лагере военнопленных. Читала и на французском языке, о чем Иосиф случайно узнал, заметив книгу. Сестра матери, Ида Моисеевна Вольперт, — актриса, играла в Камерном театре и в БДТ (Большой драматический театр имени Г.А. Товстоногова).

Выпускник Школы красных журналистов по одной версии назвал сына в честь Иосифа Сталина... В доме «присутствовал» и Ленин (бюст), а над постелью Иосифа висел портрет Сталина. О чем это говорит: о вере в «правое дело» на каком-то этапе или о страхе?! Впрочем, Иосиф вспоминает, что портрет вождя кто-то принес в подарок и его боялись выбросить.

Отец был в армии, а Мария Моисеевна с годовалым Иосифом остались в Ленинграде. «Мать тащит меня на саночках по улицам, заваленным снегом. Вечер, лучи прожекторов шарят по небу. Мать протаскивает меня мимо пустой булочной. Это около Спасо-Преображенского собора, недалеко от нашего дома. Это и есть детство», — вспоминал поэт. В апреле 1942

года они эвакуировались в Череповец, благодаря чему выжили.

Возвратившись из эвакуации, поселились в центре города в Доме Мурузи, построенном по проекту архитектора А.К. Серебрякова (из знаменитой семьи Серебряковых-Бенуа) для князя А.Д. Мурузи в 1874—1877 годах. Земельный участок некогда принадлежал Н.П. Резанову (герой рок-оперы «Юнона и Авось»), известному в русской истории своим роковым путешествием в Калифорнию в 1803 году. В доме Мурузи часто бывал Александр Блок, до эмиграции жили Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский, как будто в той же квартире, в которой Бродские после войны занимали 1,5 комнаты. Из дома Мурузи Гиппиус и Мережковский сбежали от революции в Париж.

Еще одно интересное пересечение: Альфред Нобель и лауреат Нобелевской премии посещали в разное время одну и ту же школу.

До 8 лет мальчик рос без отца, что, несомненно, оказало влияние на его становление. Знакомые Иосифа вспоминают, что общий язык с отцом давался нелегко. Известно, что Александр Иванович иногда прибегал к своеобразным «педагогическим методам», что не добавляло любви и уважения. Впрочем, впоследствии отец и сын поняли друг друга.

С отроческих лет Бродский проявлял самостоятельность и выбрал собственный путь, с которого не сворачивал, несмотря на нешуточные препятствия.

Мальчиком Иосиф был подвержен фобиям — боялся темноты, одиночества. Этот страх и внутренняя борьба с ним с большой силой самонаблюдения описаны в стихотворении «В горчичном лесу»:

*Дом заполнен безумьем, чья нить
из того безопасного рода,
что позволит и печь затопить,
и постель застелить до прихода —
нежеланных гостей, и на крюк
дверь закрыть, привалить к ней поленья,
хоть и зная: не ходит вокруг,
но давно уж внутри — испульенье.*

*Все растет изнутри, в тишине,
прерываемой изредка печью.
Расползается страх по спине,
проникая на грудь по предплечью
и на горле смыкая кольцо,
возрастая до внятности гула,
пеленой защищает лицо
от сочувствия лампы и стула.*

1963

Возмужав, он любил повторять изречение Акутагавы Рюноске: «У меня нет убеждений, у меня есть только нервы», — признавая за собой черты психопатической (или, по терминологии психоанализа, невротической) личности. С годами Иосиф Александрович научился проявлять завидное мужество в критических ситуациях, как, например, на суде в 1964 году. Его достойное поведение тогда запомнилось многим.

Моральная стойкость в ответственные моменты и огромная работоспособность, стремление доводить до конца и совершенства большие художественные проекты говорят о характере значительно более сложном, чем классический тип неуравновешенного невротика.

В литературе о Бродском, в воспоминаниях друзей, в медицинских заключениях упоминается о невротических проявлениях в поведении поэта, комплексах и т.д. Это послужило стимулом взглянуть на Иосифа Александровича глазами врача, основываясь в основном на внимательном прочтении произведений, что определило тему работы.

Школьные годы Бродского проходили нелегко. Строгая дисциплина, необходимость придерживаться определенного распорядка трудно давались подростку, более всего ценившему свободу выбора. Судя по всему, он мало интересовался некоторыми дисциплинами, отторгал их, плохо усваивал, оставался на второй год, менял школы. «Упрямый, ленивый, грубый, тетради имеет неряшливые, с надписями и рисунками», — писали учителя об Иосифе. Между тем рисунки поэта превосходны, как и у его великих предшественников (А. Пушкина, М. Лермонтова, В. Маяковского, М. Цветаевой). Рисунков много. О них стоит написать отдельную работу.

Обнаружились нарушения дикции, удваивание шипящих, малозаметное заикание. Отказывался обращаться к логопеду.

Школьные проблемы Бродского позволили предположить логоневроз. Среди характерных причин развития такого состояния называют тяжелое течение беременности матери, осложненные роды, болезни матери и ребенка в послеродовой период. Нельзя исключить стресс, испуг, состояния, вызывающие у ребенка эмоциональную неустойчивость. Иосиф Александрович упоминает о профессоре А.Ф. Туре (1894—1974) как о враче, лечив-

Фото семьи Вольперт. 1911 год, Даугавпилс. Первая слева — мать Иосифа Бродского

Дом Мурузи, вдали — Спасо-Преображенский собор

шем мать в послеродовой период. В данном случае Бродский ошибся. Профессор Тур — педиатр, лечил только детей, специализируясь на патологии новорожденного ребенка. Неизвестно, от чего лечил Анатолий Федорович Тур маленького Иосифа, но у матери, скорее всего, были тревоги, если пришлось обращаться за советом к опытному специалисту.

Оставив школу после 8-го класса, Бродский перепробовал множество профессий — от помощника прозектора в госпитале при печально известной Ленинградской тюрьме «Кресты» до фрезеровщика, санитара, техника-геофизика в геологических экспедициях и т.д. Думал, искал...

Основной чертой личности Бродского было чувство свободы. К нему полностью применимы слова А.С. Грибоедова: «Я как живу, так и пишу, — свободно и свободно».

Оставив дневную школу, а через некоторое время — и вечернюю, Иосиф активно, успешно занимался самообразованием. Много читал, учил языки — польский и английский. Языки давались легко, как и родителям.

В 16 лет появились первые стихи под впечатлением от прочитанного томика стихов Бориса Слуцкого. Важной вехой в становлении поэта Бродского явилось знакомство с творчеством Евгения Баратынского. «Читать мне было нечего, и когда я нашел эту книжку и прочел ее, тут-то я все понял, чем надо заниматься...»

Так случилось, что юный Бродский, начинающий поэт, вошел в группу пишущей питерской молодежи, обрел среду, талантливых, мыслящих друзей.

Огромным счастьем было знакомство с Анной Андреевной Ахматовой! Человеческая смелость, несгибаемость, душевная сила Анны Андреевны стали для молодого Иосифа образцом поведения. Осознание высокой роли поэта, творца помогло Бродскому выстоять, уцелеть в психиатрической больнице, безукоризненно держаться на судебных заседаниях, в ссылке, пережить разлуку с родителями, потерю Родины: «Бросил страну, что меня вскармила».

Чувство свободы было для Иосифа Александровича настолько органичным, что, по его словам, он не чувствовал угрозы, не испытывал страха, жил как мог. Он не был диссидентом в обычном понимании, он просто свободно жил. В записных книжках Сергея Довлатова «Соло на ундервуде» написано:

«Бродский создал неслыханную модель поведения. Он жил не в пролетарском государстве, а в монастыре собственного духа. Он не боролся с режи-

мом. Он его не замечал. И даже нетвердо знал о его существовании».

Это и настораживало власти: необычно, непонятно, следовательно, подозрительно. Реакция не замедлила последовать. Развернувшаяся в стране кампания борьбы с «туеядцами» в сочетании с имеющимися в услужении прохиндеями сделали свое дело.

29 ноября 1963 года в газете «Ленинградская правда» появилась публикация «Окололитературный трутень» за подписью А. Ионина, Я. Лернера, М. Медведева. Повторяю фамилии, чтобы не забывать тех, «кто поднял руку».

На защиту молодого человека («рыжего» в «вельветовых брюках», как писали в пасквиле) встали: Самуил Маршак, Корней Чуковский, Анна Ахматова, Лидия Чуковская, Дмитрий Шостакович.

Молодые литераторы также не остались в стороне. Привожу отрывки из одного письма в газету.

В газету «Вечерний Ленинград»

Декабрь 1963 г.

Уважаемый т. редактор!

В номере Вашей газеты за 29.11.1963 была опубликована статья трех авторов под названием «Окололитературный трутень». И форма, и содержание этой статьи настолько возмутили меня, что я не могу не написать Вам, хотя и не знаю, может ли это что-нибудь изменить.

Мне кажется, что любой здравомыслящий человек, даже не читавший никогда стихов Иосифа Бродского и не знающий его лично, должен с первых же строк статьи проникнуться отвращением к тому тону огульного, неумного и злобного шельмования, для которого все средства хороши. Не беда, что предмет издевательств не носит узких брюк и модных пиджаков с разрезом. Вельветовые штаны, портфель с бумагами, рыжеватые волосы — все годится авторам как ясное отображение самых страшных пороков. Каких? А каких хотите. Мы покажем цитатами. Ох, какое это замечательное дело — цитаты! При некоторой сноровке чего только не докажешь ими, умело выдергивая и слегка обрезая там, где нужно...

Авторы приводят примеры, разрезав каждую строчку посередине и поместив четыре правых обрывка под четырем левыми. Действительно, трудно что-нибудь понять.

Когда люди показывают себя настолько небрежливими в выборе средств, трудно верить тому, что они пишут. Я не знаю никого из тех, кого они именуют окружением Бродского, но я не могу поверить тому, что о них написано, и не по-

тому, что там что-то ужасное — нет, просто авторы потеряли уже доверие. К сожалению, я очень мало знаю Бродского лично, но читал его стихи и слушал выступления. По-моему, это очень сложный и очень талантливый поэт. Действительно, некоторые из его стихов, будучи опубликованы сейчас, не нашли бы широкого читателя, но другие доставляют уже людям настоящую человеческую радость, и, конечно же, их хочется переписать и потом перечитывать еще и еще раз. Я знаю, что Бродский много переводит, у него есть договоры с издательствами — разве это не форма работы? Сколько людей, не являясь членами Союза писателей или Союза журналистов, живут литературным трудом — как же можно так безответственно обвинять в туеядстве тех, кому пока тяжелее, чем другим, кого еще почти не печатают? О талантливости же поэтов, наверное, лучше всего могут судить сами поэты.

Я прошу Вас либо опубликовать мое письмо, либо пересмотреть весь материал и высказать мнение редакции, во всяком случае, не оставлять все в таком положении, как сейчас.

Копию этого письма я посылаю в «Литературную газету».

С уважением, И.М. Ефимов, преподаватель Ленинградского политехнического института им. М.И. Калинина.

Адрес: Ленинград, Д-123, ул. С.-Щедрина, д. 48, кв. 5. Тел. А-5-38-95.

Наступило тяжелое время. Друзья пытались оградить поэта всеми доступными средствами.

Вызвали в Москву, отдалив от «наблюдателей».

На московском «военном совете» в доме Ардовых был принят план с участием самого Бродского и Ахматовой. Было решено с помощью знакомых врачей-психиатров положить поэта в психиатрическую больницу. Стремилась получить справку о психической неустойчивости Иосифа и, таким образом, снизить накал страстей.

Новый, 1964 год Бродский встретил на «Канатчиковой даче» — в Московской психиатрической больнице имени П.П. Кашенко.

Тогда же поэт написал об этом:

*Здесь, в палате шестой,
Встав на страшный постой,
В белом царстве скрытых лиц
Ночь белеет ключом,
Пополам с главврачом.*

Общественный суд в Ленинграде был назначен на 25 декабря. Поэта в Ленинграде не было, казалось, обойдется.

Пребывание в больнице испугало Бродского. Ему почудилось, что он на самом деле лишится рассудка. Поэт обратился к друзьям с просьбой поскорее забрать его из психиатрического отделения, что и было сделано. Бродского выписали с диагнозом «шизоидная психопатия», о чем известно из письма А.А. Ахматовой А.А. Суркову: «Спешу сообщить, что Иосиф Бродский выписан с Канатчиковой дачи [...] с диагнозом шизоидной психопатии и что видевший его месяц тому назад психиатр утверждает, что состояние его здоровья значительно ухудшилось вследствие травмы, которую больной перенес в Ленинграде».

Беда не приходит в одиночку. Полицейские тревоги усугубились потерей любимой девушки. Именно в это время Иосиф узнал об увлечении Марины Басмановой общим знакомым Дмитрием Бобышевым. Боль была настолько непереносима, что, не вняв просьбам, он ринулся в Ленинград. Иосиф Александрович не задумывался о грозивших последствиях, личные страдания превалировали.

18 января 1964 года поэт был дома, работал. Неожиданно явились милиционеры с ультимативным требованием в течение трех дней найти работу. Бродский что-то отвечал, но думал о недописанном стихотворении. Вот что было для него важно!! Алексей Кириллович Симонов замечает: «Поэт — существо со смещенным относительно нормального человека центром тяжести...»

Стихотворение, завершенное после ухода милиционеров:

Садовник в ватнике, как дрозд...

*Садовник в ватнике, как дрозд,
по лестнице на ветку влез,
тем самым перекинув мост
к пернатым от двуногих здесь.*

*Но вместо щелбета вдруг,
в лопатках возбуждая дрожь,
раздался характерный звук:
звук трения ножа о нож.*

*Вот в этом-то у певчих птиц
с двуногими и весь разрыв
(не меньший, чем в строевые лица),
что ножницы, как клюв, раскрыв,*

*на дереве, в разгар зимы,
скрипим, а не поем как раз.
Не слишком ли отстали мы
от тех, кто «отстает от нас»?*

*Помножив краткость бытия
на гнездышки и забытье.*

13 февраля 1964 года Бродского арестовали на улице около его дома. На следующий день у двадцатичетырехлетнего молодого человека развился приступ стенокардии, что в таком возрасте является казуистикой. За несколько десятилетий моей работы в Институте кардиологии запомнились считанные случаи стенокардии, возникавшие у молодых людей, как правило, после стресса.

И. Бродский. Автопортрет

К сожалению, стенокардия станет постоянной спутницей поэта. Репрессивные органы не поверили Иосифу и вместо лечения отправили на экспертизу во вторую психиатрическую больницу «на Пряжке». Бродский провел три недели в печально известной ленинградской больнице. Первые три дня в палате для буйных, три недели госпитализации, холодные ванны и смиренная рубашка из мокрых простыней. Бродский вспоминал: «...в первую же мою ночь там человек в койке, стоявшей рядом с моей, покончил жизнь самоубийством. Вскрыл себе вены. Помню, как я проснулся в три часа ночи: кругом суматоха, беготня. И человек лежит в луже крови. Каким образом он достал бритву? Совершенно непонятно...» Для чего нужно было такое варварство? Вывод напрашивается один — запугать.

Окно камеры, в которой сидел Бродский в Ленинграде

Заключение, полученное при выписке от 18 февраля 1964 г.: «Бродский И.А. проявляет психопатические черты характера, но психическим заболеванием не страдает и по своему состоянию нервно-психического здоровья является трудоспособным». 13 марта 1964 г. на судебном заседании зачитано заключение экспертизы: «В наличии психопатические черты характера, но трудоспособен. Поэтому могут быть применены меры административного порядка».

В обоих заключениях отмечаются психопатические черты, но в заключении, полученном в Москве, подчеркивали наличие «шизоидной психопатии», а врачи психиатрического отделения Ленинградской больницы указали на психопатические черты, не препятствующие работе.

Впрочем, как правило, шизоидная психопатия вне особо тяжелых поражений также не препятствует труду. Суть в особой нервной организации, поведенческих особенностях личности, требующих щадящего, бережного отношения. Интересные строки о Бродском находим у Лидии Чуковской «Странное существо — большое и привлекательное. Читал в Союзе с успехом свои стихи и переводы. Сидя у меня — пока я ждала такси, уже вручив ему ключи и объяснив ему все тайны замков и кранов, — читал мне наизусть Горбовского. Вкус точнейший, потому что он читал хорошие стихи Горбовского, а мне в журнале всегда попадались плохие. Потом мы заговорили о Мандельштаме, и он вдруг сказал: «А я несчастнее его. Есть общее в судьбе, но я несчастнее». — «Не грешите, Иосиф», — сказала я», — вспоминала Лидия Чуковская.

В юности Бродский, по воспоминаниям знавших его людей, был истеричным, возбужденным и мятушимся. Об этом на суде говорила литератор Наталья Грудинина (1905–1982), с огорчением вспоминая, что из-за таких оценок отказала ему в приеме в литобъединение. «Талантливые люди, они неудобны в общении... Но именно они пружины... времени», — писал Алексей Симонов.

Последовал суд, вернее, пародия на судопроизводство. Об этом много и подробно писали. Стенографическую запись судебных заседаний с риском для собственной свободы сделала писательница, журналист Фрида Абрамовна Вигдорова. Стенограмма судилища вскоре попала на Запад.

Лидия Чуковская писала: «Бродскому выпал завидный жребий отстаивать — и отстоять! — честь русской поэзии. Дома и за рубежом». Честь вооружить интеллигенцию для отпора бюрократии выпала Фриде Абрамовне Вигдоровой.

Иосифа Александровича выслали отбывать пятилетний срок в деревню Но-

ринская Архангельской области. Как часто бывает в России, сосланным сочувствуют. Не стал исключением и молодой поэт, тепло вспоминая односельчан. Они и не догадывались, что сосланный «туняец» обесмертит заброшенную деревню.

Иосиф Александрович много передумал, переживал, написал. Навещали друзья. Приезжала любимая женщина...

Ф.А. Вигдорова

Его освобождения требовали не только великие соотечественники, но и лауреат Нобелевской премии Жан-Поль Сартр, от которого сложнее было отмахнуться.

Через полтора года в Ленинград вернулся зрелый поэт. Его произведение тиражировались в самиздате. В Нью-Йорке, не на Родине, вышел первый сборник стихотворений и поэм арестанта Бродского.

Жизнь продолжалась, тревоги множились. Все достаточно хорошо известно и многократно описано, не стану повторяться. Бродский рос как поэт, но по-прежнему не оставался без чекистской опеки. Его не угнетали финансовые проблемы, приспособился, нужна была СВОБОДА! Это было сутью личности и основой существования. В письме Якову Гордину от 13 июня 1965 года из Норинской прозвучало: «Будь независим. Независимость — лучшее качество, лучшее слово на всех языках». Он говорил, что человек — сумма поступков, а не надежд, притязаний...

10 мая 1972 года Иосифа Александровича вызвали в ОВИР и поставили перед альтернативой: немедленная эмиграция или «горячие денечки». Что это такое, Бродский знал, побывав в тюрьме и психиатрической больнице. Выбора не было.

4 июня 1972 года, лишенный советского гражданства, практически без денег и вещей, с маленькой пишущей машинкой, подаренной Ф.А. Вигдоровой, и несколькими книгами Бродский покинул страну. В Ленинграде остались пожилые родители, друзья, любимая женщина, молодость, первые стихи. Небольшая поклажа легко поместилась в выдавший виды коричневый фибровый (кто помнит?) чемодан.

В интересном спектакле «Бродский — Барышников» (удалось посмотреть) чемодан приобретает символическое значение, с него начинается очень личная сага о Бродском — поэте и человеке.

4 июня 1972 года началась новая, полная неожиданностей жизнь Иосифа Александровича Бродского.

Эмиграция тяжела и непредсказуема для всех, особенно для людей, изгнанных из родной страны. Еще более тяжела для тех, чья профессия определяется языком. С этой точки зрения, несмотря на помощь друзей — старых и вновь обретенных, на поэтическую славу, Бродский прошел все круги эмиграционной одиссеи.

В Венском аэропорту Иосифа встречал Карл Проффер, профессор-славист, издатель, друг поэта по Петербургу. По позднейшим воспоминаниям Карла и Эллендеи Профферов, Бродский, прилетев, немедленно позвонил родителям, долго разговаривал с ними, выглядел оглушенным, повторяя: «Странно, никаких чувств, ничего...»

Двадцать четыре года прожил Иосиф Бродский вне России: преподавал в нескольких университетах Америки и Великобритании, выступал с лекциями и докладами. Общение со студентами позволяло делиться мыслями о поэзии, роли поэта, озвучивать то, что являлось смыслом жизни.

Известны шесть заповедей Бродского:

1. Сосредоточьтесь на точности вашего языка.
2. Старайтесь быть добрыми к своим родителям.
3. Не полагайтесь на политиков.
4. Старайтесь быть скромными.
5. Всячески избегайте приписывать себе статус жертвы.
6. Умейте прощать.

Необходимость и важность точности языка, как и неприемлемость статуса жертвы во многом определяли поведение поэта в эмиграции.

Вхождение в жизнь новой страны требовало огромной концентрации воли, собранности, решимости. Мало того, что у него не было опыта преподавания, так и уровень английского языка поначалу был, мягко говоря, далек от совершенства.

Как ему это удалось преодолеть? Наверное, не случайно поэт перенес множе-

ство инфарктов миокарда — в 1976, 1985 и 1994 годах.

Известная французская писательница Сидони Габриэль Колетт (1873–1954) метафористично определила: «На сердце не бывает морщин, только шрамы». К сожалению, это правда, а рубцы — это опасно!

В 1978 году Иосифу Александровичу провели операцию на открытом сердце, что в то время было сопряжено с большим риском для жизни. Родителей и в этой экстремальной ситуации не пустили к сыну. Выше упоминалось о приступе стенокардии, случившемся еще в 1964 году в заточении. Врач, осмотревший Бродского в первый месяц пребывания в Норинской (1964), диагностировал дистрофию сердечной мышцы. Срок ишемической болезни следует считать с 1964 года.

Бродский довольно быстро «обрастал» приятелями и приятельницами, редко бывал один. При всем при этом постоянно испытывал чувство одиночества.

«Он почти не бывал один, но испытывал одиночество человека, окруженного людьми... знаю, что чувство одиночества он испытывал и до эмиграции, но перемена обострила его». Эллендея Проффер, 2011.

Тема одиночества проходит красной нитью в творчестве поэта, являясь сущностной. Он находил свои подходы, свои слова. Кстати, поэтический словарь Бродского в три раза превосходит ахматовский.

*Ночь. Дожив до седин, ужинаешь один.
Сам себе было, сам себе господин.
Я одинок. Я сильно одинок.*

*...И ежели я ночью
отыскивал звезду на потолке,
она, согласно правилам сгорания,
сбегала на подушку по щеке
быстрей, чем я загадывал желанье.*

Мотив страха смерти, неизбежности преследовал поэта на протяжении жизни. Если «одиночество есть человек в квадрате», то «поэт — это одиночка в кубе».

Лучше всего охарактеризовал себя сам Бродский. В письме Якову Гордину от 22 декабря 1970 года в посвященном ему стихотворении были строки:

*Я — homo sapiens, и весь я
противоречий винегрет...*

По мнению близко общавшейся с поэтом в Ленинграде и США Эллендеи Проффер, депрессия была опасностью для этого поэта.

Из письма Бродского Карлу Профферу 24 июня 1971 года: «Заканчивая это письмо, я снова чувствую грусть...» По природе Бродский тяготел к метафизике.

Дом-музей Бродского в деревне Норинской.
«Не зарастет народная тропа»

По словам Эллендеи Проффер, поэт говорил, что страдает эмоциональной клаустрофобией.

Что такое эмоциональная клаустрофобия? Согласно врачебному определению, клаустрофобия проявляется у человека, который ведет беспокойную, тревожную жизнь и уделяет слишком много внимания своей работе, планам, обязанностям и т.д. Он чувствует себя пленником своей деятельности и подавляет значительную часть своих порывов, будь то желания или агрессивность. Клаустрофобия — одно из проявлений невроза (<http://www.doktorland.ru/klaustrorobiya.html>).

Люди, страдающие клаустрофобией, определяются не как психически больные. Они — акцентированные личности.

Неизвестно, ставили ли Бродскому диагноз эмоциональной клаустрофобии, но поведенческие нюансы личности с раннего школьного возраста с большой долей вероятности подтверждают предположение поэта. Таким людям непросто жить в ладу с собой, и, как правило, возникают сложности в общении.

Поэт продолжал работать, писал, публиковал.

В 1987 году Иосиф Александрович Бродский получил Нобелевскую премию по литературе: за всеобъемлющее творчество, пропитанное ясностью мысли и страстностью поэзии.

В одном из писем Иосиф Александрович с горечью вспоминал ушедших родителей, понимая, что они были бы счастливы, как никто другой в мире.

Первым лауреатом Нобелевской премии по литературе стал в 1901 году французский поэт и эссеист Рене Франсуа Арман Приюдом. В XX веке всего пять русских писателей и поэтов удостоились Нобелевской премии: И.А. Бунин, Б.Л. Пастернак, А.И. Солженицын, М.А. Шолохов, И.А. Бродский.

Период после получения Нобелевской премии не стал душевно более спокойным, разве что отпали материальные заботы. Бродский, как и Бунин, щедро делился деньгами с теми, кто нуждался. Многим, но не всем помогал, из-за чего возникали неприятные ситуации. Разбираться в этих перипетиях не входит в мою задачу.

Много ездил по миру, работал, писал, влюблялся, тосковал... Мешало отсутствие дома, дома-крепости. Болел. Врачи запрещали курить, не подчинялся, возможно, был фаталистом. «Жизнь замечательна именно потому, что гарантий нет, никаких, никогда». Впрочем, смерти боялся, не раз писал об этом в стихах и письмах друзьям. Но изменить образ жизни не мог и не хотел.

*Мы боимся смерти, посмертной казни,
Нам знаком при жизни предмет боязни:
пустота вероятней и хуже ада.
Мы не знаем, кому нам сказать «не надо».*

Знал, от чего умрет:

*Бессмертия у смерти не прошу...
Мрамор сужает мою аорту.*

Лучше и точнее не скажешь!

Продолжал ощущать одиночество. Это звучит в стихах разных лет:

*Я одинок. Я сильно одинок.
Как смоква на холмах Генисарета.
В ночи не украшает табурета
ни юбка, ни подвязка, ни чулок
.....
У всего есть предел, в том числе у печали.
Взгляд застревает в окне, точно лист
в ограде.
Можно налить воды. Позвонить ключами.
Одиночество есть человек в квадрате.*

1981

Вручение Нобелевской премии Иосифу Бродскому. Стокгольм, 1987

Иосиф Бродский с женой Марией Соццани. Фото Михаила Барышникова

Иосиф Бродский с дочерью Анной-Марией

В 1990 году на лекции в Сорбонне Бродский познакомился с молодой красавицей — итальянкой русского происхождения (из рода Трубецких и Бярятинских) Марией Соццани. Девушка написала поэту письмо. Невольно вспоминаются Бальзак, Стефан Цвейг, список можно продолжить...

Они познакомились. В сентябре 1990 года поженились на балтийских берегах в Стокгольме.

Через два года родилась дочь, названная в честь Ахматовой и матери Анна-Мария.

Несмотря на болезнь, преждевременное старение, годы, прожитые с женой, были самыми спокойными и счастливыми.

27 января 1996 года вечером Бродский виделся с издателем Сумеркиным, обсуждали очередное издание. Расстались. Поэт попрощался с женой, остался поработать в кабинете. Так бывало не раз, но НЕ ТАК. Утром Мария обнаружила мужа лежащим на полу. Он был мертв!

Смерть наступила от коронарной болезни сердца (тромбоза? разрыва? — вскрытие не делали).

Иосиф Александрович Бродский скоропостижно умер у себя в кабинете в ночь с 27 на 28 января 1996 года, не дожив до 56 лет.

Стихи Иосифа Александровича как неожиданный «автонекролог»:

*Бессмертия у смерти не прошу.
Испуганный, возлюбленный и нищий,
но с каждым днем я прожитым дышу
уверенней, и сладостней, и чище.*

*И осенью и летом не умру,
не всколыхнется зимняя простынка,
взгляни, любовь, как в розовом углу
горит меж мной и жизнью паутина.*

*И что-то, как раздавленный паук,
во мне бежит и странно угасает.
Но выдохи мои и взмахи рук
меж временем и мною повисают.*

*Да. Времени — о собственной судьбе
кричу все громче голосом печальным.
Да. Говорю о времени себе,
но время мне отвечает молчаньем.*

*Лети в окне и вздрагивай в огне,
слетай, слетай на фитилечек жадный.
Свисти, река! Звони, звони по мне,
мой Петербург, мой колокол пожарный.*

*Пусть время обо мне молчит.
Пускай легко рыдает ветер резкий
и над моей могилой еврейской
младая жизнь настойчиво кричит.*

Мемориальная доска Иосифу Бродскому

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бродский. Малое собрание сочинений. — СПб.: Азбука, 2011.
2. Бродский Иосиф. Большая книга интервью / Сост. Валентина Полухина. — М.: Издатель Захаров, 2000.
3. Гордин Я. Рыцарь и смерть, или Жизнь как замысел: О судьбе Иосифа Бродского. — М.: Время, 2010.
4. Ларинский Н. Нет ничего страшней, чем развалины в сердце. История болезни Иосифа Бродского, 2013. http://uzrf.ru/publications/istoriya_i_bolezni/Nikolay-larinsky-net-nichego-strashney-chem-razvalinu-v-serdce/
5. Лосев Л. Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии. Серия ЖЗЛ. — М.: Молодая гвардия, 2006.
6. Проффер Эллендея Тисли. Бродский среди нас. — М.: АСТ, 2011.
7. Симонов А. Парень с Сивцева Вражка. — М.: Новая газета, 2009.
8. Штерн Л. Поэт без пьедестала. Воспоминания об Иосифе Бродском. — М.: Время, 2010.
9. Чуковская Л. Дело Бродского. — М.: Знамя, 1999. ■